

Происхождение этнонима *цонгоол*

Б. З. Нанзатов, В. В. Тишин*

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Исследуется происхождение племенного названия *цонгоол*. Обосновывается утверждение о его связи с наименованием *čuyul ~ čumul*, в разных формах отмеченным в китайских, древнетюркских, хотаносакских и персидских текстах в связи с историей Восточного Туркестана и Гань-су по меньшей мере с середины VII и до XI в. и сохранившимся также в этнонимике сарыг-югуров. Отмечается, что на территорию современной Южной Бурятии в конце XVII в. прибыло сообщество, в среде которого название *цонгол* (< письм.-монг. *čongyol*) произносилось уже в варианте **tsongol*, где [č] > [ts] и с последовательной лабиализацией гласных в обоих слогах. Подчеркивается, что так может быть истолкована форма племенного названия среди баргузинских эвенков *čāngāl'ir*.

Ключевые слова: этноним, личная ономастика, буряты, монголы, цонголы, этническая история.

Для цитирования: Нанзатов Б. З., Тишин В. В. Происхождение этнонима *цонгоол* // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2023. Т. 44. С. 120–132. https://doi.org/10.26516/2227-2380.2023.44.120

An Origin of the Ethnic Name *Čongōl*

B. Z. Nanzatov, V. V. Tishin*

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract. The article deals with the origin of the tribal name *Čongōl* or *Tsongool*, in other orthography. It also known as *Songōl* or *Songool* in Buryat pronunciation, where the Written Mongolian [č] developed into [s] through the step [ts] in position before a vowel other than [i]. We argue the connection of the word with the ethnic name *Čuyul ~ Čumul*, attested in different spelling forms in Chinese, Old Turkic, Khotanese Saka and Persian texts, in connection with the history of Eastern Turkestan and Gan-su Province of China, at least from the of the 7th to the 11th centuries A. D., and also preserved now among the ethnonyms of the Sarıg-Yogur people as *Čoyıl ~ Čuyıl*. In the latter case, the fact of historical continuity cannot raise any doubts. According to the results of this research, it is possible to argue that the community arrived to territory of modern South Buryatia to become subjects of the Russian Tsar at the end of the 17th century had already pronounced the name *Tsongool* (< WMong. *Čongyol*) in the variant **Tsongol*, taking into account the fact that the designation of a vowel in the second syllable as a long one is a later orthographic phenomenon in Buryat. In other words, they were attested the resulted phonetic development [č] > [ts] and consistent vowel labialization in both syllables of the word, regardless of the peculiarity of the Tsongol dialect of Buryat language, where the development of WMong. [u] > [o] is observed. In this manner it can be interpreted the form of the tribal name known among the Barguzin Evenks *čāngāl'ir* as reflected the first mentioned process. This point can also be confirmed by the data on onomastics of the persons associated with the Tsongols, attested in the later 17th century, where it can be found the development **[č] > [ts] > [s]*. It is discussed the problem of correlating two phonetic forms in connection with the chronology of the appearance of Tsongols in the territory of modern Buryatia. Despite the absence of any earlier information about the existence of a group with this name in the region, they are known the legends according to which the territory of origin of the Tsongols is localized in the valley of the Kuda River (in modern Irkutsk region), where a small group with the name *Songool* (*Tsongool*) was recorded back in the 19th century. Explaining the chronology of phonetic changes in a historical context requires future research.

Keywords: ethnonym, onomastics, Buryats, Mongols, Tsongols, ethnic history.

For citation: Nanzatov B. Z., Tishin V. V. An Origin of the Ethnic Name *Čongōl*. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2023, Vol. 44, pp. 120–132. https://doi.org/10.26516/2227-2380.2023.44.120 (in Russ.)

*Полные сведения об авторах см. на последней странице статьи.
See the last page of the article for full author information.

Введение

В настоящей статье рассмотрено происхождение этнонима *цонгоол* (в современном произношении) в связи с основными вехами истории его носителей. Исторические источники достаточно скупы, чтобы реконструировать их полноценную историческую панораму, и имеют достаточно поздний характер – не ранее XVII в. Это отчасти компенсируется возможностью привлечь к исследованиям методы исторической лингвистики, расширяющей шансы выявить фрагменты исторического прошлого этого названия в более ранних текстах.

Цонголы – группа бурятского населения, проживающая на территории совр. Хянтинского, Селенгинского и Бичурского районов Республики Бурятия [Нанзатов, Содномпилова, 2019, с. 113–116, карта на с. 114]. Цонголы наряду с сартулами, будучи выходцами из Монголии, являются носителями так называемых южнобурятских говоров, в силу исторических причин не относимых к так называемым традиционным: одними из их отличительных черт являются сохранение аффрикат и отсутствие исторического развития */s/ > /h/, характерного для восточных и западных бурятских говоров.

Источники датируют переселение цонголов на территорию современной Южной Бурятии, на реки Чикой и Селенга, с вхождением в подданство российского царя временем после 1688 г. (возможно, несколькими волнами) [Цыдендамбаев, 1972, с. 246; Будаев, 1992, с. 14 и след.; Нацагдорж, 2006]. Более ранняя история носителей этого названия недостаточно ясна.

В XIX в. цонголы составляли самостоятельный административный род, включавший ряд подразделений, но, помимо того, подразделения с названием *цонгол* отмечены в составе Сартольского, I и II Табангутских административных родов, подведомственных Селенгинской степной думе [Румянцев, 1965, с. 95, 97, 98, 111]. Помимо административного рода цонголы составляли большинство населения Цонгольской инородной управы, а также значительный процент среди казачьего населения Шарагольского, Мурочинского, Киранского и Кударинского станичных округов [Нанзатов, 2016, с. 118–121, 123, 129–130]. «Мало того, имя цонгол почему-то было настолько популярным, что забайкальские буряты нередко называли цонголами вообще всех селенгинцев – выходцев из Монголии» [Цыдендамбаев, 1972, с. 239].

Среди кудинских бурят представители подразделения *сонгоол*, живущие на р. Мурин в составе I Ашибагатского административного рода (улусы Сонгольский и Дархатский, Эхирит-Булагатский район, Иркутская обл.) [Нанзатов, 2018, с. 84–85 (карта), 96–97], отмечаются как немногочисленные и, согласно преданиям, считаются пришлыми с Селенги или из Монголии [Балдаев, 1970, с. 350, 351]. В преданиях баргузинских бурят имя *Сонгоот* (так записано. – Б. Н., В. Т) носит один из сыновей Хоридой-мэргэна, легендарного родоначальника *хори*, от его третьей жены, ушедший будто бы в Монголию [Балдаев, 1970, с. 299, 300].

В составе населения Монголии зафиксированы группы *цонгоол* и *сонгоол* [Цэрэнханд Гэлэгжамцын, 2005, с. 91, 130], из которых первая форма отражает самоназвание, вторая – употребляется другими группами бурят, носителями так называемых традиционных диалектов (где произошла деаффрикатизация */č/ > /ts/ > бур. /s/). Любопытно, что, например, в сомоне Мунгэнморьт Центрального аймака одна из крупных групп бурятского населения имеет самоидентифицирующее название *сонгоол буриад* или *сонгоол*, противопоставляясь другим местным группам бурят (*хори буриад*, *агын буриад*). Она делится на ряд подразделений, как, например, *сонгоол ястай сонгоол буриад* (фактически «собственно сонголы»), *тавангууд сонгоол*, *ашаавгад сонгоол*, *сартуул сонгоол*, *хурумши сонгоол*, *атаган сонгоол*. Все они являются выходцами из селенгинских бурят, и в данном случае слово *сонгоол* выступает обобщающим маркером, по-видимому, со значением ‘селенгинский бурят’, что обусловлено уже бытующим в Монголии понятием «сэлэнгын буриад», распространяющимся на бурятские группы, живущие в Селенгинском аймаке (где, между прочим, есть группы с

названиями *харанут сонгоол*, *узон сонгоол* и др.), среди которых при этом были выходцы не только из селенгинских бурят, но также и баргузинских, хоринских, закаменских и даже хойто буриад [Нанзатов, 2010, с. 85–87].

На территории Чахарского северного (правого) хошууна (кит. Ча-ха-эр ю-и цянь-ци 察哈爾右翼後旗) городского округа Уланчаб (кит. У-лань-ча-бу 烏蘭察布) автономного района Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики (КНР) проживают несколько семей, относящихся к подразделению *чон-гоол* [Нацагдорж, 2010, с. 149].

Н. Н. Поппе зарегистрировал у баргузинских эвенков подразделение («род») *čāngal'ir* и, хотя не смог найти об их происхождении каких-либо местных сведений, сопоставил их с названием *čongol* у селенгинских бурят [Поппе, 1933, с. 39].

Этноним *цонгоол* и дискуссия

Самоназвание цонголов исторически известно в следующих вариантах: письм.-монг. бур. *čvngγvl coekgol* [Пучковский, 1957, с. 135, 221, 246], письм.-монг. бур. (множ. ч.) *čvngγvl-nud coekgol nod* [Летописи селенгинских бурят, 1936, с. 15; Цыдендамбаев, 1972, с. 331, 335]; в записях XVIII в.: «Цынголова роду» (род. падеж), Цонголов (1729 г.), «Цонголова роду» (род. падеж; 1731 г.) [Русско-китайские отношения ... , 2006, с. 380, 409], «Цонголова рода» (род. падеж; 1729 г.) [Высочайше учрежденная ... , 1898, с. 133, прил. 81, 82], *Zóngol* [Pallas, 1776, s. 11], «Зонголоховский Аймак» [Георги, 1779, с. 40]; собственно бур. южн. *цонгоол* [Будаев, 1992, с. 22], бур. зап. *сонгоол* [Балдаев, 1970, с. 329], бур. зап. множ. *сонгоот* [Там же, с. 299, 300] – обе последних формы зафиксированы в устных преданиях. По данным последней переписи в Монголии зафиксированы формы *цонгол*, *цонгоол*, *цонгоод*, *сонгол*, *сонгоол*, *сонгоод* [Статистический мэдээллийн нэгдсэн сан].

Убедительной этимологии названия, насколько нам известно, предложено не было. Ц. Б. Цыдендамбаев, ссылаясь на сообщение Ц. Б. Будаева, приводит «предание самих селенгинцев», согласно которому название *цонгол* является эпонимом: предок цонголов получил это имя потому, что родился у реки (*гол*), на берегу которой его мать нашла камень *цон* или *чон* (при, согласно Ц. Б. Цыдендамбаеву, халх. *чун*, бур. *шонхо* ‘киноварь’ – гетерогенные). Сам Ц. Б. Цыдендамбаев справедливо скептически отнесся к такому объяснению как к «народной» этимологии [Цыдендамбаев, 1972, с. 239].

Новую гипотезу предложил в специальной работе монгольский исследователь Ц. Б. Нацагдорж. Он относит формирование цонголов к периоду не ранее 1637 г., считая их остатками подданных Цогту-тайджи, погибшего годом ранее в сражении с хошуутами у оз. Кукунор [Нацагдорж, 2006, с. 333]. Исследователь обращает внимание на то, что тибетцы и амдосцы обозначают оз. Кукунор названием *Tsong gol*. Согласно полученным им в личном письме сведениям от венского тибетолога Э. Штайнкеллера, тибетское название оз. Кукунор – *mTsho-sngon*: «Тибетцы теперь называют область Цинхай (Кукунор) Цонгон или цонгол. А в одном из диалекте тибетского точнее на амдосском это звучит как Цонгол» [Нацагдорж, 2006, с. 334] (орфография и пунктуация цитируемого издания сохранены. – Б. Н., В. Т.). Таким образом, Ц. Б. Нацагдорж связывает наименование цонголов с этим названием местности, откуда они должны были прийти, согласно

его построениям. К этому следует добавить, что тиб. *mtsho sngon po* མཚོ་སྒོན་པོ་, собственно, буквально означает ‘голубое озеро’ [Powers, Templeman, 2020, p. 2].

Это любопытное сопоставление, однако, не может быть соотнесено с формой *џоуол*, т. е. где развитие письм.-монг. /č/ > /ts/ еще не произошло. Она является не только орфографической, но и произносительной, поскольку, по данным самого Ц. Б. Нацагдоржа, сохранена у цонголов, живущих среди чахарского населения (о сохранении /č/ носителями чахарского диалекта в том числе среди населения Улаанчабского аймака [см.: Тодаева, 1985, с. 93–94, 95]).

Ближайшая параллель названию *цонгол* обнаружена у тюркоязычного народа сарыг-югур (желтые уйгуры, *юйгу*, кит. *юй-гу* 裕固), проживающего на территории пров. Гань-су (甘肅) КНР, в среде которого известно племенное название, зафиксированное как *чоңыл* [Малов, 1912, с. 96; 1957, с. 144], *чуңыл* [Малов, 1957, с. 146], *чуңы’л* [Малов, 1967, с. 8], *джуңыл* [Тенишев, 1962, с. 62], *џуңџ* [Лэй Сюань-чунь, 1992, с. 291]¹, *џиңџ* ~ *џоңџ* [Nugteren, Roos, 2003, p. 139]. Уже Э. Р. Тенишев сопоставил его с монгольским *цонгол*, бурятским *чонгол*, приведя такие формы со ссылкой на сообщение Т. А. Бертагаева о существовании группы населения с таким названием в Селенгинском аймаке Бурят-Монгольской АССР (ныне Селенгинский район, Респ. Бурятия, см. выше) [Тенишев, 1962, с. 62]. В другой работе по *юйгу* Э. Р. Тенишев дал это название в перечне «племен и родов монгольского происхождения» [Тенишев, 1965, с. 648]. В статье Х. Нугтерена и М. Роос бегло озвучено замечание о связи названия подразделения сарыг-югуров с известным в более ранние исторические времена наименованием *џоңџ* [Nugteren, Roos, 2003, p. 134, note 3].

Название, о котором идет речь, зафиксировано в истории Евразии по меньшей мере со второй четверти VII в., будучи отражено в китайских источниках в передаче названия одного из племен западнотюркского (в политическом понимании) круга *чу-ми* 處蜜/密 (< *tʰs̺ʰo-miēt), как его идентифицировал П. Пельо, *čomul ~ čömül, čümül, *čömil [Pelliot, 1929, p. 222]. По системе Э. Дж. Пул-либлэнка, 處蜜/密 *chǔ-mì* < ран. ср.-кит. *te^hiǎ^h-mjit / mit, позд. ср.-кит. *tʰ^huǎ^h-mjit / mit [Pulleyblank, 1991, p. 60, 213], < *čumid, *čumil. В дальнейшем, в ходе работ ираниста сэра Г. У. Бэйли и тюрколога Дж. Р. Гамильтона, удалось не только точно восстановить вокализацию названия, но и реконструировать историю носившего его народа, перенесенного на занимаемую им территорию, располагавшуюся в пределах ареала от юго-запада от Ша-чжоу 沙州 до южного побережья оз. Лоб-Нор: хот.-сак *cīnūda-*, *cimūda-*, *cimūda-*, *cimūda-*, кит. *чжун-юнь* 仲雲 (*dʰiung-jjüən) [*čiuŋun], *чжун-юнь* 衆雲 (*tsiung-jjüən) [*čiuŋun], *чжун-юй* 衆隄 (*tsiung-·iǎt) [*čiuŋul], *чжун-вэнь* 種棍 (*tsiwong-·uən; *ciŋ-uən) [*čiuŋun], др.-тюрк. (уйг.) *čiuŋulī* (3d per. Sing., pos.), *čumullar* (Plur.), ср.-тюрк. *چُمَّل* (Махмуд ал-Кашгарй, 1074 г.), н.-перс. *چونگون** (< ms. *چرمنگان*) [*čiuŋun] (см. теперь: [Hamilton, 1977; Bailey, 1985, p. 7–11], со ссылками на более ранние публикации). В работах названных исследователей приведен исчерпывающий материал, свидетельствующий об истории сообщества с таким названием в X–XI вв., обоснована фонетическая эволюция разных форм.

¹ Фонетическая транскрипция отражает позиционную реализацию [i] > [ə], о чем см.: [Hahn, 1998, p. 398].

Сохранение этого названия в среде сарыг-югуров однозначно свидетельствует об исторической преемственности носителей названия *čijil ~ *čijul* (> *čimul*). Нас будет интересовать отношение этого имени к самоназванию цонголов.

Цонголы в бурятской среде

Безусловно, развитие формы *čijul отражено в письм.-монг.-бур. *čijul* (здесь мы пока специально обозначаем огубленный гласный нейтральным знаком /v/) > халх., бур. селенг. *tsongōl*, бур. зап. *songōl*, чахар. *čongōl* (ср. выше), где в бурятской это удвоенное написание гласного второго слога связано с бытовавшей практикой так орфографически обозначать ударные слоги², а передача чахарского произношения приведена исключительно по статье Ц. Б. Нацагдоржа и требует уточнения. В любом случае как старописьменная форма, так и «народное» объяснение в сообщаемой Ц. Б. Цыдендамбаевым легенде (см. выше), обыгрывающей второй слог ассоциацией с *гол* ‘река’ (во всех монгольских языках имеющий краткий гласный, при, однако, письм.-монг. *γoul*), косвенно демонстрируют отсутствие восприятия носителями имени *цонгол* второслогового гласного как долгого.

Различия в степени лабиализации гласных в двух формах (тюркской и монгольской) могут быть объяснены двумя способами.

Как, в частности, для сарыг-югурского языка, где фиксируется вариативность употребления наименования *чоңыл* ~ *чуңыл* (см. выше), так и в целом для языков киргизской (по одной из классификаций) группы отмечено колебание в первом слоге [u] ~ [o], в том числе перед сонантом [ŋ] [Сравнительно-историческая грамматика, 2002, с. 480]. Для сарыг-югурского языка в целом характерно соответствие общетюрк. [u] > [u], [o] > [o], при этом, как писал еще С. Е. Малов, оно выдерживается непоследовательно [Малов, 1957, с. 158]. Непоследовательность в соблюдении степени лабиализации гласных может быть продемонстрирована на примерах: сар.-юг. *joğır, joğur, jüğur, juğur, jugur* ‘тюркоговорящий югур’ < общетюрк. *ijgur [Nugteren, Roos, 2003, p. 133–134, 137–138]; сар.-юг. *тоңил, тоңил, тоңул, тоңол, туңил, туңил, мїңил, мїңил, тоңгол* ‘монгол’ < ср.-тюрк. *тоңул* < письм.-монг. *тоңул* [Там же, p. 139].

Другое объяснение предполагает изменение вокализма исходной формы на монгольской основе. Как писал, например, еще Н. Н. Поппе, «в цонгольском говоре гласному *и* других говоров обычно соответствует *и*, но в ряде случаев *о*. Это второе соответствие наблюдается, как можно установить, всегда в тех словах, которые в языке старой монгольской письменности имеют в обоих первых слогах *и*...» [Поппе, 1938, с. 21] (ср.: [Poppe, 1955, p. 31]). Среди классических примеров – цонг. селенг. *осо* [osɔ], цонг. *усу* [usɔ], бур. лит. *уһан* [uhɔn], халх. *ус* [usɔ], письм.-монг. *usun* ‘вода’; цонг. селенг. *н’отог* [n’otɔg], бур. лит. *нутаг* [n’utɔg], халх. *нутаг* [nutɔg], письм.-монг. *nituy, nutuy* ‘кочевье, родное место’. В итоге для письм.-монг. *čwnkɣwl* можно было бы исходно предполагать классическое чтение *čijul, а не *čongol (поэтому выше мы обозначили огубленный гласный символом /v/), закономерно отраженное в цонгольском говоре, восходя к форме с узким [u] в обоих слогах.

² В письменной традиции наиболее часто, хотя и не систематически, это проявляется при передаче русских заимствований [Шагдаров, 1967, с. 41, 43, 46; Цыдендамбаев, 1972, с. 550], однако известны случаи замены удвоенным гласным краткого гласного оригинальных монгольских слов [Цыдендамбаев, 1972, с. 559].

Согласно Г. Д. Санжееву, такую особенность цонгольского вокализма можно было бы свести к «прежнему, исконному, расхождению между древними монгольскими диалектами, на основе концентрации которых сложились современные монгольские языки» [Санжеев, 1953, с. 75]. Еще Б. Я. Владимирцовым был отмечен характерный для халхасского языка открытый характер [u] ближе к [u̥] [Владимирцов, 1929, с. 159–160], и, следуя В. И. Рассадину, «окающее» произношение [u] среди цонголов, являвшихся выходцами из Монголии (а также соседствующих с ними тугнуйских, т. е. мухоршибирских, бурят, носителей локального варианта хоринского говора), может объясняться как остаточное явление [Рассадин, 1982, с. 10–11, 36], характерное также для других монгольских языков: даурского, дербетского говора калмыцкого языка и некоторых диалектов Внутренней Монголии [Рассадин, 1982, с. 9–12]. Качество гласного второго слога объясняется ассимилирующим влиянием первослогового гласного [Там же, с. 36, 33–34]. Н. Н. Поппе допускал объяснять нерегулярное, в отличие от цонгольского, проявление [u] > [o] (напр., в калмыцком и аларском говоре бурятского языка) заимствованным характером таких слов [Porre, 1955, p. 31].

По Ц. Б. Будаеву, такое специфическое «оканье» относится к селенгинским цонголам (не к кяхтинским и бичурским, ср.: [Будаев, 1965, с. 168, прим. 1, 2]), что он объяснял влиянием соседствующих с ними здесь сартулов [Там же, с. 156]. Между тем сартульское «оканье» имеет несколько иной характер, распространяясь на конечные гласные, где письм.-монг. /u/ > бур. сарт. /o/ после слога с /u/ (< письм.-монг. /u/) [Бураев, 1987, с. 92–93], будучи связано с ослаблением гласного последнего слога [Рассадин, 1982, с. 33–34].

Позже Ц. Б. Будаев предположил следующую логику развития второслогового «оканья» южнобурятских говоров (сартульский, цонгольский): $y > y^o > {}^y o > o$, отраженное, напр., в письм.-монг. *хусун* > цонг. *хусу* > *хусу^o* > *хусу^o* > *хусо* > *хосо* ‘береза’, письм.-монг. *тугул* > цонг. *тугул* > *тугу^oл* > *туг^oол* > *тугол* > *тогол* ‘теленок’ [Будаев, 1978, с. 33, 34]. Исследователь считал это явление поздним, развившимся после переселения носителей южных говоров из Монголии. В дальнейшем он добавил к этому довод, что в записях бурятских слов XVIII в. зафиксированы формы *заго*, *зон* (< письм.-монг. *јагун*) ‘сто’ [Будаев, 1992, с. 67], объяснив таким образом общей закономерностью случаи развития «оканья» в словах с неогубленным и огубленным гласным первого слога.

И. Д. Бураев, следуя соображению, что по законам сингармонизма в бурятском языке при первослоговом /u/ в последующих слогах должен следовать /a/, на примере спорадического проявления «так называемого оканья» в эхиритбулагатском говоре, предлагает такую логику: первослоговый /u/ > /o/, ассимилируя последующий /a/ > /o/ [Бураев, 1987, с. 90–91]. Аналогично В. И. Рассадин объясняет ассимилирующим влиянием первослогового этимологического /o/ ассимиляцию в хоринском непервослоговых /u/ > /o/ и /a/ > /o/ [Рассадин, 1982, с. 30]. И. Д. Бураев упоминает «оканье» цонголов как распространяющееся в основном на непервые слоги, противопоставляя ему аналогичный процесс, проходящий более последовательно, в говоре мухоршибирских бурят [Бураев, 1987, с. 91]. В итоге исследователи так или иначе склонны считать мухоршибирское «оканье» следствием влияния цонголов [Будаев, 1978, с. 34; Бураев, 1987, с. 91].

Таким образом, есть фактически две точки зрения на природу цонгольского «оканья», первая из которых рассматривает его как самостоятельно развившуюся

внутреннюю особенность, вторая предполагает ее возникновение вследствие влияний соседствующих групп населения.

Ослабление напряжения гласных непервых слогов в монгольских языках, хотя и зафиксированное уже в XIII–XIV вв., получило интенсивное развитие в том числе в особенности халхаском и калмыцком (где, в отличие от бурятского, привело к редукции гласных), по наблюдениям Ц. Б. Будаева, не ранее XVIII в., т. е. после переселения носителей южнобурятских говоров на Селенгу [Будаев, 1992, с. 63–64]. Об особенностях говора цонголов косвенно могут свидетельствовать записи их имен: имя брата Окин-дзайсана в 1688–1690 г. передается русскоязычными документами как Серень Секулай (1688), Серен Секулай, Цырен Сокулай, Серень Сокулай, Цырен Сохулай или Цохулай [Материалы ... , 2000, с. 173, 175, 192, 196, 208, 244, 275–276, 476], Цырен Цокулай [Русско-китайские отношения ... , 1990, с. 64, 71], соответствуя, как выяснил Ц. Б. Нацагдорж, письм.-монг. *čeriŋ čökür*; разные формы имени тайши Цонгольского рода уже на 1729 г. в русскоязычных документах одного времени известны как Лопсон, Лупсан, Лупцан, Лапсан, Лапсон, Лопсан (< тиб. *blo-bzang* ལྷོ་བཟང་) [Русско-китайские отношения..., 2006, с. 380, 469, 471, 520 (указатель); Высочайше учрежденная..., 1898, с. 25, 133, прил. 27, 81, 82].

Нас это интересует только в связи с возможностью объяснить превращение исходного *čiuŋol в *čouŋol* и далее в *tsouŋol*.

Название рода баргузинских эвенков *čaŋgaʹir* указывает на «оканье» в обоих слогах. Появление на Баргузине выходцев из бурятской среды, с которыми связано происхождение некоторых эвенкийских административных родов, как вытекает из совокупных данных народных преданий и официальных документов, произошло не ранее второй половины XVII в., в большинстве же своем собственно буряты переселялись сюда после середины XVIII в. [Поппе, 1933, с. 43, 38; Румянцев, 1949, с. 38; и след.]. Упоминание формы *цонгол*- в русскоязычных документах встречается не позднее 1729 г. (см. выше). Этим промежутком можно датировать развитие /č/ > /ts/ (т. е. после условно 1688–1729 гг.). Постпозиционная энклитика в цонгольском *-tsoo* ‘in, within’, соответствующая бур. лит. *-soo* и не известная больше ни в каких монгольских языках³, является, видимо, заимствованием из «традиционного» бурятского на стадии, когда в нем уже состоялось развитие *-čoo > *-tsoo*, не ранее и не позднее, потому что в цонгольском есть фонемы /č/ и /s/ [Clark, 1979, p. 17]. В эту логику укладывается интерпретация употребления в сказании баргузинских эвенков, записанном Н. Н. Поппе в 1925–1926 гг., наименования *čaŋaŋ kān* ‘(российский) царь’ (ср. письм.-монг. *čaŋaŋ qaŋaŋ*, букв. ‘белый хан’) как заимствованного от бурят не ранее их первых контактов с русскими (в 20-е гг. XVII в.) и, вероятно, до конца периода 1680–1720 гг., условно выделяемого Л. Кларком как раз в связи с началом контактов бурят с цонголами [Clark, 1979, p. 19, 24–25, note 2]. В записях бурятской лексики у Г. Ф. Миллера (1735 г.) уже нерегулярно выступает дальнейшая стадия развития /ts/ > /s/ [Будаев, 1992, с. 49]. И все же, исходя из зафиксированных монгольских заимствований в говоре баргузинских эвенков, нельзя четко определить, как бы передавался /ts/ (< письм.-монг. /č/) [Khabtagaeva, 2010, p. 21–22].

³ В цонгольском, как и сартульском говоре, в таком значении ее знает Н. Н. Поппе [Поппе, 1938, с. 95], но Ц. Б. Будаев отмечает значение не ‘в’, а ‘в течение (напр., года)’ [Будаев, 1965, с. 176, 177].

Кроме двух родовых групп баргузинских эвенков *Galžōhir* (ср. бур. *Galzūd*) и *Asiwagat* (ср. бур. *Ašabagad*), родоначальники которых пришли на Баргузин (по преданиям из Тунки и Курунчина⁴ соответственно) во второй половине XVII в. [Поппе, 1933, с. 40–43], в летописях баргузинских бурят сообщается о том, что задолго до тунгусов в Баргузине жили монгольские племена, составившие затем подразделения в составе Цинской армии (см.: [Румянцев, 1949, с. 34–35]). В источниках отмечены неоднократные попытки группы, как установил Ц. Б. Нацагдорж, хоринских бурят, бежавших в 60-е гг. XVII в. в Монголию с западного побережья Байкала, и в том числе с Баргузина, впоследствии возвратиться на эти земли, что в итоге не удалось [Нацагдорж, 2012]. Остальные группы бурят, как было отмечено выше, приходили на Баргузин после 1740 г., при этом из среды иркутских бурят.

Как отмечает Ц. Б. Нацагдорж, упомянутое в «Бичихан запискэ» в связи с прошлым цонголов *гүл шаара хошуун* (*gūlü sir-a qosiyun*) означает «истинно желтое знамя» – одно из восьми военно-административных подразделений знаменных войск империи Цин, созданных из монгольских племен еще около 1636 г. Сам Ц. Б. Нацагдорж связывает цонголов именно с «желтым знаменем с каймой», сформированным в 1675 г. среди чахаров [Нацагдорж, 2006, с. 323–325]. Оно включало десять сомонов – пять наследственных и пять простых, связанных с группами монгольских племен, в разное время принимавших подданство империи Цин. В том числе в его состав был в 1700 г. переведен наследственный сомон баргутов, годом ранее созданный в составе «истинно желтого знамени» [Serruys, 1978, p. 64–65; Нацагдорж, 2006, с. 326–327]. Информант Ц. Б. Нацагдоржа из чахарских цонголов сообщает, что его предки принадлежали к Баргутскому сомону [Нацагдорж, 2010, с. 154, 155]. Это намекало бы на то, что оставшиеся после миграций 1688–1694 гг. цонголы должны были быть включены в состав этого самого баргутского сомона.

Мы не можем достоверно идентифицировать здесь какие-либо группы населения, непосредственно соотносимые с наименованием *цонгол*. При этом косвенные данные создают определенные сложности для того, чтобы увязать появление носителей этого имени на территории этнической Бурятии только в привязке к миграциям, имевшим место после 1688 г.

По мнению Ц. Б. Нацагдоржа, местом исхода цонголов, пришедших на реки Селенга и Чикой, была территория Шилингольского аймака (авт. район Внутренняя Монголия КНР); согласно другой точке зрения (к которой склоняется один из авторов данной статьи), эта миграция была вторичной, в то время как изначально территория расселения цонголов (в местном произношении *сонгоол*, см. выше) находилась в долине р. Куды⁵.

⁴ Очевидно, речь идет о Курумчинской долине, расположенной в долине р. Мурун.

⁵ В докладе Xuronghua “Oral History of Barag Communities in Chakhar Right Rear Banner in Inner Mongolia” на конференции “Mongols at the edges of Mongolia”, состоявшейся в Канберре 9 ноября 2018 г., говорится, что в устных преданиях Прибайкалья упоминается как прародина цонголов. В сделанном на той же конференции докладе Uchralt Otede “Fragment History of Barag: Memory, Imagination and Truth”, основанном на письменных источниках, также говорится о происхождении цонголов из Прибайкалья. Ср.: [Нанзатов, 2018, с. 96, прим. 285].

Заключение

Историческая связь между сообществом *čunil ~ *čunul* (> *čumul*), связанным с Восточным Туркестаном и Гань-су периода начиная по меньшей мере со второй четверти VII до XI в., с подразделением сарыг-югуров *чоңыл* и бурятским *цонгоол* вполне обоснована с фонетической точки зрения. Источники не позволяют реконструировать историю бурятских цонголов до того момента, как, собственно, появляются в источниках в качестве подданных российского царя, и, самое главное, не позволяют выяснить процесс распространения самого названия.

Мы можем засвидетельствовать выводы, важные для исторической фонетики: люди, пришедшие в конце XVII в. из Монголии, известные потом под именем *цонгол*, уже произносили это слово с выраженным [o], восходящим к диалектному произношению исходного [u], косвенные данные склоняют к тому, что начальным согласным был [ts] (< письм.-монг. [č]). Именно таким образом может быть интерпретирован фонетический облик названия подразделения баргузинских эвенков *čaŋgal'ir*, где инициальный č- передавал бы уже стадию [ts] (< письм.-монг. /č/), хотя это необязательно. Этот облик заслуживает особого объяснения в связи не только с фиксацией цонголов (в произношении *сонгоол*) в составе кудинских бурят, но и с наличием, наряду с мотивом их прихода из Монголии в местных преданиях, также преданий о происхождении цонголов из Кудинской долины. Вопросы, связанные с географическими перемещениями различных групп населения, и их согласование с ареалом каких-либо племенных наименований требуют углубленного исследования в общем историческом контексте.

Важные выводы можно извлечь также для теоретических аспектов изучения этнических процессов. Современная ситуация показывает несколько вариантов использования названия *цонгоол*: 1) как собственно обобщающее самоназвание, объединяющее несколько коллективов, воспринимающихся как подразделения более низкого таксономического порядка в рамках единой общности (собственно цонголы); 2) как название отдельных подразделений в составе других более крупных сообществ (цонголы в составе других бурятских административных родов); 3) как внешнее прозвание в среде бурят, искусственно объединяющее бурятское же население, отличающееся с точки зрения фонетических особенностей и исторического пути (наименование цонголами всех селенгинских бурят); 4) как обобщающее самоназвание, объединяющее выходцев из одной территории на территории вторичного расселения (среди части бурят Центрального аймака Монголии), вышедших с Селенги. Эти случаи демонстрируют наглядный пример изменения практики в разных исторических условиях использования конкретного этнонима, маркирующего разные уровни идентичности.

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)», № 121031000243-5; проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», № 121031000241-1)

Список литературы

- Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1970. Ч. 1 : Булагаты и эхириты. 364 с.
- Будаев Ц. Б. Цонгольский говор // Исследования бурятских говоров. Улан-Удэ, 1965. Вып. 1. С. 151–186.
- Будаев Ц. Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск : Наука, 1978. 302 с.
- Будаев Ц. Б. Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования). Новосибирск : Наука, 1992. 217 с.
- Бураев И. Д. Становление звукового строя бурятского языка. Новосибирск : Наука, 1987. 185 с.
- Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Введение и фонетика Л. : Изд-во АН СССР, 1929. XII. 436 с.
- Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области / сост. А. Щербачев. СПб., 1898. Вып. 5: Исторические сведения. 325 с.
- Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. СПб., 1799. Часть четвертая о народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, немцах, поляках и о владычествующих россиянах, с описанием всех именованных казаков, так же История о Малой России и купно о Курландии и Литве. 385 с.
- Летописи селенгинских бурят. М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Вып. 1: Хроника Убаши Дамби Джалцан Ломбо Цэрэнова 1868 г. 55 с.
- Лэй Сюань-чунь 雷选春. Си-бу юй-гу хань цыдянь 西部裕固汉词典 [Западно-югурско-китайский словарь]. Чэн-ду 成都: Сы-чуань минь-цзу чу-бань шэ 四川民族出版社 [Сычуаньское издательство национальностей], 1992. 377 с.
- Малов С. [Е.] Отчет о путешествии к уйгурам и саламам // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении. СПб., 1912. Сер. 2, № 1. С. 94–99.
- Малов С. Е. Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика. Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1957. 197 с.
- Малов С. Е. Язык желтых уйгуров. Тексты и переводы. М. : Наука, 1967. 220 с.
- Материалы по истории русско-монгольских отношений : сб. док. / отв. ред. Г. И. Слесарчук. М. : ИВ РАН, 2000. Т. 4 : 1685–1691. 488 с.
- Нанзатов Б. З. Монгольские буряты: диаспора в ситуациях вызова // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность. Улан-Удэ, 2010. С. 83–110.
- Нанзатов Б. З. Забайкальские буряты в XIX веке: этнический состав и расселение. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 290 с.
- Нанзатов Б. З. Иркутские буряты в XIX веке: этнический состав и расселение. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. 224 с.
- Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М. Селенгинские буряты в XIX в.: этнический состав и расселение (юго-восточный ареал) // Вестник БНЦ СО РАН. 2019. № 2 (34). С. 112–122.
- Нацагдорж Ц. Б. К проблеме этногенеза цонголов // Acta Mongolica. 2006. Т. 6 (267). С. 323–338.
- Нацагдорж Ц. Б. Чахарские цонголы // «Нүүдлийн соёл иргэний ба буриад-монголчууд» эсдэвт олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын илтгэлийн эмхтгэл (The proceedings of conference “Nomadic Civilization and Buryat-mongols”, organized in the frame of “Altargana” Festival). Улаанбаатар : Бемби сан хэвл., 2010. С. 148–163.
- Нацагдорж Ц. Б. О победе баргутов в Россию в 1730 г. // Культурное наследие народов Центральной Азии. Улан-Удэ, 2012. Вып. 3. С. 206–225.
- Поппе Н. Н. Некоторые данные о баргузинских тунгусах XVIII–XIX ст. // Записки Института востоковедения Академии наук СССР. Л., 1933. [Т.] 2, [вып.] 2. С. 37–50.
- Поппе Н. Н. Грамматика бурят-монгольского языка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1938. 268 с.
- Пучковский Л. С. Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. Вып. 1 : История, право. 280 с.
- Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М. : Наука, 1982. 199 с.
- Румянцев Г. Н. Баргузинские буряты // Труды Кяхтинского краеведческого музея им. академика В. А. Обручева и Кяхтинского отделения ВГО. 1949. Т. 16, вып. 1. С. 34–62.
- Румянцев Г. Н. Селенгинские буряты // Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института. 1965. Вып. 16. С. 87–117.
- Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы / сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников, А. И. Тарасова. М. : Наука, 1990. Т. 2 : 1725–1728. 668 с.
- Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М. : Памятники исторической мысли, 2006. Т. 3 : 1727–1729. 544 с.
- Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М. : Изд-во АН СССР, 1953. Т. 1. 240 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Наука, 2002. 767 с.
- Статистикийн мэдээллийн нэгдсэн сан [Единая база статистических данных]. URL: <https://www.2.1212.mn/sonirkholtoi/FamilyName> (дата обращения: 14.02.2023)
- Тенишев Э. Р. Этнический и родоплеменной состав народности юйгу // Советская этнография. 1962. № 1. С. 59–66.
- Тенишев Э. Р. Юйгу // Народы Восточной Азии. М. ; Л., 1965. С. 647–651.

- Тодаева Б. Х. Язык монголов Внутренней Монголии. Очерк диалектов. М. : Наука, 1985. 136 с.
- Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1972. 664 с.
- Цэрэнханд Гэлэжамцын. Монголчууд : угсаа-соёл, зан заншил [Монголы : этническая культура, обычай]. Улаанбаатар : Адмон, 2005. 234 т.
- Шагдаров Л. Д. Становление единых норм бурятского литературного языка в советскую эпоху. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1967. 107 с.
- Bailey H. W. *Indo-Scythian Studies, being Khotanese Texts*. Cambridge : Cambridge University Press, 1985. Vol. 7. 147 p.
- Clark L. V. A Problem in Buryat Historical Linguistics // *Studies on Mongolia: Proceedings of the First North American Conference on Mongolian Studies*. Bellingham, 1979. P. 14–25. (Studies on East Asia ; vol. 13).
- Hahn R. F. *Yellow Uyghur and Salar* // *Turkic Languages*. London ; New York, 1998. P. 397–402.
- Hamilton J. Le pays des Tchong-yun, Čungul, ou Cumuđa au Xè siècle // *Journal Asiatique*. 1977. Vol. 265. Fasc. 3–4. P. 351–379.
- Khabtagaeva B. Mongolic Elements in Barguzin Evenki // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2010. Vol. 63, N 1. P. 9–25.
- Nugteren H., Roos M. Common vocabulary of the Western and Eastern Yugur languages. The ethnonyms // *Rocznik Orientalistyczny*. 2003. Vol. 56, Z. 1. P. 133–143.
- Pallas P. S. *Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften*. St. Petersburg : Gedruckt bei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1776. Th. 1. *Sammlungen zur politischen, physikalischen und moralischen Geschichte der mongolischen Völkerschaften*. XIV. 232 s.
- Pelliot P. Neuf notes sur des questions d'Asie central // *T'oung Pao (Second Series)*. 1929. Vol. 26, No 4–5. P. 201–266.
- Poppe N. *Introduction to Mongolian Comparative Studies*. Helsinki : Suomalais-ugrilainen seura, 1955. 300 p. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne ; N 110).
- Powers J., Templeman D. *Historical Dictionary of Tibet*. Lanham ; Boulder ; New York ; London : Rowman & Littlefield, 2020. 794 p.
- Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin. Vancouver : UBC Press, 1991. 488 p.
- Serruys H. The Čaqar Population during the Ch'ing // *Journal of Asian History*. 1978. Vol. 12, N 1. P. 58–79.

References

- Bailey H. W. *Indo-Scythian Studies, being Khotanese Texts*. Cambridge, Cambridge University Press, 1985, Vol. VII, xv, 147 p.
- Baldaev S. P. *Rodoslovnnye predaniya i legendy buryat [Genealogical Legends of Buryats]*. Ulan-Ude, Buriatskoie knizhnoe izdatelstvo, 1970, Vol. I. Bulagaty i ekhurity [Bulagats and Ekhirits], 364 p. (In Russ.)
- Budaev Ts. B. *Tsongolskii govor [Tsongol Dialect]. Issledovaniya buryatskikh govorov [Studies of Buryat dialects]*. Ulan-Ude, Buriatskoie knizhnoe izdatelstvo, 1965, Vol. 1, pp. 151–186. (In Russ.)
- Budaev Ts. B. *Leksika buryatskikh dialektov v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii [A Lexicon of Buryat Dialects in Comparative-historical Coverage]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1978, 302 p. (In Russ.)
- Budaev Ts. B. *Buryatskie dialekty (opyt diakhronicheskogo issledovaniya) [Buryat dialects (experience of diachronic research)]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1992, 217 p. (In Russ.)
- Buraev I. D. *Stanovlenie zvukovogo stroya buryatskogo yazyka [The Formation of the Sound Structure of the Buryat Language]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987, 185 p. (In Russ.)
- Clark L. V. A Problem in Buryat Historical Linguistics. *Studies on Mongolia: Proceedings of the First North American Conference on Mongolian Studies. Studies on East Asia, Vol. 13*. Bellingham, 1979, pp. 14–25.
- Demidova N. F., Myasnikov V. S., Tarasova A. I. (comp.). *Russko-kitaiskie otnosheniya v 18 veke. Materialy i dokumenty [Russian-Chinese Relations in the 18th century. Materials and Documents]*. Moscow, Nauka Publ., 1990, Vol. 2: 1725–1728, 668 p. (In Russ.)
- Georgi I. G. *Opisanie vsek v Rossiiskom gosudarstve obitayushchikh narodov, takzhe ikh zhiteiskikh obryadov, ver, obyknovenii, zhilishch, odezhd i prochikh dostopamyatnostei [Description of All Peoples Living in the Russian State, as Well as Their Everyday Rituals, Beliefs, Customs, Dwellings, Clothes and Other Monuments]*. St. Petersburg, Imperatorskaia Akademiia nauk, 1799, Chast 4 o narodakh mongolskikh, ob armyanakh, gruzinakh, indiitsakh, nemtsakh, polyakakh i o vladychestvuyushchikh rossianakh, s opisaniem vsek imenovanii kazakov, tak zhe Istoriia o Maloi Rossii i kupno o Kurlandii i Litve [About the Mongolian Peoples, about Armenians, Georgians, Indians, Germans, Poles and about the Ruling Russians, with a Description of All the Names of the Cossacks, as well as the History of Little Russia and, in Particular, about Kurland and Lithuania], 385 p. (In Russ.)
- Hahn R. F. *Yellow Uyghur and Salar. Turkic Languages*. London, New York, Routledge, 1998, pp. 397–402.
- Hamilton J. Le pays des Tchong-yun, Čungul, ou Cumuđa au Xè siècle. *Journal Asiatique*. 1977, Vol. 265, fasc. 3–4, pp. 351–379.
- Khabtagaeva B. Mongolic Elements in Barguzin Evenki. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2010, Vol. 63, N 1, pp. 9–25.
- Léi Xuǎn-chūn 雷选春. *Xī bù yù gù hàn cí diǎn 西部裕固汉词典 [Western Yugur-Chinese Dictionary]*. Chéng-dōu 成都, Sì chuān mín zú chū bǎn shè 四川民族出版社 [Sichuan Nationalities Publishing House], 1992, 377 p. (In Chinese).
- Letopisi selenginskikh buryat [Chronicles of Selenga Buryats]*. Moscow, Leningard, AS USSR Publ., 1936, Vol. 1: Khronika Ubashi Dambi Dzhaltsan Lombo Tserenova 1868 g. [Chronicle by Ubashi Dambi Jalcan Lombo Cerenov], 55 p. (In Mongol.; In Russ.)

- Malov S. [E.] Otchet o puteshestvii k uiguram i salaram [Report on a Trip to the Uighurs and Salars]. *Izvestiia Russkogo Komiteta dlya izucheniya Srednei i Vostochnoi Azii v istoricheskoi, arkhologicheskoi, lingvicheskoi i etnograficheskoi otnosheniakh* [Proceedings of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia in historical, archaeological, linguistic and ethnographic relations]. St. Petersburg, 1912, Ser. II, Is. 1, pp. 94–99. (In Russ.)
- Malov S. E. *Yazyk zhelykh uigurov. Slovar i grammatika* [Yellow Uygur Language. Dictionary and Grammar]. Alma-Ata, AS KazSSR Publ., 1957, 197 p. (In Russ.)
- Malov S. E. *Yazyk zhelykh uigurov. Teksty i perevody* [Yellow Uygur Language. Texts and Translations]. Moscow, Nauka Publ., 1967, 220 p. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z. Mongolskie buryaty: diaspora v situatsiyakh vyzova [Mongolian Buryats: Diaspora in Challenge Situations]. *Transgranichnye migratsii v prostranstve mongolskogo mira: istoriya i sovremennost* [Cross-border Migrations in the Space of the Mongolian World: History and Modernity]. Ulan-Ude, 2010, pp. 83–110. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z. *Zabaikalskie buryaty v 19 veke: etnicheskii sostav i rasselenie* [Transbaikalian Buryats in the 19th century: Ethnic Composition and Settlement]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2016, 290 p. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z. *Irkutskie buryaty v 19 veke: etnicheskii sostav i rasselenie* [Irkutsk Buryats in the 19th century: Ethnic Composition and Settlement]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2018, 224 p. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z., Sodnompilova M. M. Selenginskie buryaty v 19 v.: etnicheskii sostav i rasselenie (yugovostochnyi areal) [Selenga Buryats in 19th century: Ethnic Composition and Resettlement (South-Eastern Area)]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN* [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the SB RAS]. 2019, Is. 2 (34), pp. 112–122. (In Russ.)
- Natsagdorzh Ts. B. K probleme etnogeneza tsongolov [On the Problem of the Ethnogenesis of the Tsongols]. *Acta Mongolica*. 2006, Vol. 6 (267), pp. 323–338. (In Russ.)
- Natsagdorzh Ts. B. Chakharskie tsongoly [Chakhar Tsongols]. *The proceedings of conference "Nomadic Civilization and Buryat-mongols", organized in the frame of "Altargana" Festival*. Ulaanbaatar, Bembi san, 2010, pp. 148–163. (In Russ.)
- Natsagdorzh Ts. B. O pobege bargutov v Rossiiu v 1730 g. [On the Escape of the Barguts to Russia in 1730]. *Kulturnoe nasledie narodov Tsentralnoi Azii* [Cultural Heritage of the Peoples of Inner Asia]. Ulan-Ude, 2012, Vol. 3, pp. 206–225. (In Russ.)
- Nugteren H., Roos M. Common vocabulary of the Western and Eastern Yugur languages. The ethnonyms. *Rocznik Orientalistyczny*. 2003, Vol. 56, Z. 1, pp. 133–143.
- Pallas P. S. *Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften*. St. Petersburg: Gedruckt bei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1776, Th. 1. Sammlungen zur politischen, physikalischen und moralischen Geschichte der mongolischen Völkerschaften, XIV, 232 S. (In German.)
- Pelliot P. Neuf notes sur des questions d'Asie central. *T'oung Pao (Second Series)*. 1929, Vol. 26, N 4–5, pp. 201–266. (In French.)
- Poppe N. N. Nekotorye dannye o barguzinskikh tungusakh 18–19 st. [Some Data on the Barguzin Tungus 18th–19th centuries]. *Zapiski Instituta vostokovedeniya Akademii nauk SSSR* [Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences]. Leningrad, 1933, [Vol.] II, [Is.] 2, pp. 37–50. (In Russ.)
- Poppe N. N. *Grammatika buryat-mongolskogo yazyka* [A Grammar of Buryat-Mongolian Grammar]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1938, 268 p. (In Russ.)
- Poppe N. *Introduction to Mongolian Comparative Studies. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, N 110*. Helsinki, Suomalais-ugrilainen seura, 1955, 300 p.
- Powers J., Templeman D. *Historical Dictionary of Tibet*. Lanham, Boulder, New York, London, Rowman & Littlefield, 2020, lxxxvi, 794 p.
- Puchkovskii L. S. *Mongolskie, buryat-mongolskie i oiratskie rukopisi i ksilografy* [Mongolian, Buryat-Mongolian and Oirat manuscripts and xylographs of the Institute of Oriental Studies]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1957, Vol. 1. *Istoriya, pravo* [History, Law], 280 p. (In Russ.)
- Pulleyblank E. G. *A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin*. Vancouver, UBC Press, 1991, vii, 488 p.
- Rassadin V. I. *Ocherki po istoricheskoi fonetike buryatskogo yazyka* [Essays on Historical Phonetics of the Buryat Language]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 199 p. (In Russ.)
- Rumyantsev G. N. Barguzinskie buryaty [Barguzin Buryats]. *Trudy Kyakhtinskogo kraevedcheskogo muzeya imeni akademika V. A. Obrucheva i Kyakhtinskogo otdeleniya Vsesoyuznogo Geograficheskogo Obschestva* [Proceedings of the Kyakhta Museum of Local Lore of Academician V. A. Obruchev and the Kyakhta branch of the Russian Geographical Society]. 1949, Vol. 16, Is. 1, pp. 34–62. (In Russ.)
- Rumyantsev G. N. Selenginskie buryaty [Selenga Buryats]. *Trudy Buryatskogo kompleksnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta* [Proceedings of the Buryat Complex Research Institute]. 1965, Vol. 16, pp. 87–117. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. *Sravnitel'naya grammatika mongolskikh yazykov* [A Comparative Grammar of the Mongolic Languages]. Moscow, AS USSR Publ., 1953, Vol. 1, 240 p. (In Russ.)
- Serruys H. The Čaqar Population during the Ch'ing. *Journal of Asian History*. 1978, Vol. 12, N 1, pp. 58–79.
- Shagdarov L. D. *Stanovlenie edinykh norm buryatskogo literaturnogo yazyka v sovetskuyu epokhu* [Formation of uniform norms of the Buryat literary language in the Soviet era]. Ulan-Ude, Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967, 107 p. (In Russ.)
- Shcherbachev A. (comp.). *Vysochaishe uchrezhdeniya pod predsedatel'stvom stats-sekretarya Kulomzina Komissiya dlya issledovaniya zemlevladieniya i zemlepolzovaniya v Zabaikalskoi oblasti* [The Highest Establishment, under the Chairmanship of Secretary of State Kulomzin, the Commission for the Study of Land Ownership and Land Use in the Trans-Baikal Region]. St. Petersburg, 1898, Vol. 5. *Istoricheskie svedeniya* [Historical information], 325 p. (In Russ.)

- Slesarchuk G. I. (Ed.). *Materialy po istorii russko-mongolskikh otnoshenii: sbornik dokumentov [Materials on the History of Russian-Mongolian Relations: a Collection of Documents]*. Moscow, Institut vostokovedeniya RAS Publ., 2000, Vol. 4. 1685–1691, 488p. (In Russ.)
- Statistikiin medeelliin negdsen san [Unified database of statistics]. Available at: <https://www2.1212.mn/sonirkholtoi/FamilyName> (date of access: 14.02.2023) (In Mongol.)
- Tenishev E. R. Etnicheskie i rodoplennoyi sostav narodnosti yuigu [Ethnic and Tribal Composition of the Yugu People]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1962, Is. 1, pp. 59–66. (In Russ.)
- Tenishev E. R. Yuigu [Yugu]. *Narody Vostochnoi Azii [Peoples of Eastern Asia]*. Moscow, Leningrad, 1965, pp. 647–651. (In Russ.)
- Tenishev E. R. (Ed.). *Sravnitelno-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Regionalnye rekonstruktsii [Comparative-historical Grammar of Turkic Languages. Regional reconstruction]*. Moscow, Nauka Publ., 2002, 767 p. (In Russ.)
- Tikhvinskii S. L. (Ed.). *Russko-kitaiskie otnosheniya v 18 veke. Dokumenty i materialy [Russian-Chinese Relations in the 18th century. Documents and Materials]*. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2006, Vol. 3: 1727–1729, 544 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. *Yazyk mongolov Vnutrennei Mongolii. Ocherk dialektov [The Language of the Mongols of Inner Mongolia. An Essay on Dialects]*. Moscow, Nauka Publ., 1985, 136 p. (In Russ.)
- Tserenkhand Gelegzhamtsyn. *Mongolchuud: ugsaa-soiol, zan zanshil [Mongols: Ethnic Culture, Customs]*. Ulaanbaatar, Admon, 2005, 234 p. (In Mongol.)
- Tsyendambaev Ts. B. *Buryatskie istoricheskie khroniki i rodoslovnye. Istoriko-lingvisticheskoe issledovanie [Buryat Historical Chronicles and Genealogies. Historical and Linguistic Research]*. Ulan-Ude, Buriatskoe knizhnoe izdatelstvo, 1972, 664 p. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. *Sravnitel'naya grammatika mongolskogo pismennogo yazyka i khalkhasskogo narechiya. Vvedenie i fonetika [A Comparative Grammar of the Written Mongol Language and the Khalkha Dialect. Introduction and Phonetics]*. Leningrad, AS USSR Publ., 1929, XII, 436 p. (In Russ.)

Сведения об авторах

Нанзатов Баир Зориктоевич

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
e-mail: nanzatov@yandex.ru

Тишин Владимир Владимирович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
e-mail: tihij-511@mail.ru

Information about the authors

Nanzatov Bair Zoriktoevich

Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS; 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation
e-mail: nanzatov@yandex.ru

Tishin Vladimir Vladimirovich

Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS; 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation
e-mail: tihij-511@mail.ru